

Парень взял сигарету, мельком глянул на плотно закрытую дверь спальни и скривился в странной улыбке:

— Звёздный посланник занят. Положите пожертвования на алтарь, отбейте три земных поклона и читайте вот это.

С этими словами он протянул Чжай Чэню листок, здорово смахивающий на рекламную листовку из доставки, — на ярко-красной бумаге чёрным шрифтом был напечатан густой ряд заклинаний.

— Звёздный посланник внутри? Тот, кто нас прислал, сказал обязательно отдать деньги лично ему, — с озабоченным видом произнёс Чжай Чэнь.

— Да внутри, скоро выйдет. А вы пока помолитесь.

Парень уставился на мешок с деньгами и рассеянно подгонял их, торопя положить деньги на алтарь.

— Раз внутри, и ладно.

Чжай Чэнь нарочно повысил голос, чтобы Фан Чуян на том конце провода мог его услышать, сунул листок с заклинаниями Гао Юйшэну и собрался было положить деньги.

— А-а-а!

Из спальни, где звукоизоляция оставляла желать лучшего, внезапно донёсся пронзительный девичий крик, который тут же был заглушён чем-то, словно рот заткнули.

У Чжай Чэня волосы встали дыбом — голос был звонкий, острый, явно принадлежал маленькой девочке! Он переглянулся с Гао Юйшэном, под видом того, что кладёт деньги, сделал глоток кислорода, а затем с грохотом вышиб ногой дверь спальни.

Мэнмэн!

Внутри царил хаос. Толстый, с заплывшим жиром мужик стоял на четвереньках, задом к двери, и прижимал к полу перепуганную до смерти девчущку — ту самую, из лапшичной!

— Большой брат, спаси меня! — девочка вырвала руку, которой ей зажимали рот, и с криком поползла к выходу.

— Твою мать! — Чжай Чэнь с ноги отправил мужика, не успевшего натянуть штаны, под кровать.

— Чёрт! — одновременно выругался внизу Фан Чуян, срывая наушники и поднимая руку: — Всем действовать!

Мужик грохнулся на пол и долго не мог подняться. Чжай Чэнь отдёрнул девочку и прикрыл её собой:

— Не бойся.

Только он это сказал, как дверца шкафа за спиной распахнулась, и оттуда с воплем выскочила мать девочки, замахиваясь чем-то, чтобы огреть его по голове. Чжай Чэнь инстинктивно прижал ребёнка к себе и выставил руку для защиты — раздался звонкий хлопок: дешёвая

пластиковая вешалка разлетелась вдребезги, и острые осколки жёсткого пластика пропороли руку в трёх местах, оставив глубокие кровавые царапины.

— Отпусти её! — женщине показалось мало, она вцепилась в руку Чжай Чэня и, разинув рот, уже собралась вонзиться зубами.

Тут в комнату ворвался тот самый курящий парень и занёс над головой Чжай Чэня складной стул из нержавейки.

— А-а-а! — вдруг закричала девочка, что была у него на руках, и с силой рванулась к матери, вцепившись зубами ей в шею с дикой яростью. Освободившаяся рука Чжай Чэня ловко перехватила стул — орудие, летящее со свистом, застыло на месте, не в силах сдвинуться ни на миллиметр, — а затем он сделал подсечку, сбил парня с ног, схватил его и швырнул в только что вставшего мужика.

Те сложились, как два мешка с картошкой, и с глухим звуком рухнули наземь.

Кислород вмиг кончился, перед глазами поплыло. Женщина визжала пронзительно и жалобно — дочь вырвала у неё кусок плоти, и кровь хлестала ручьём. Чжай Чэнь рывком поднял девочку и быстро отступил в гостиную. Женщина, зажимая рану на шее, выбежала следом, но Гао Юйшэн с грохотом захлопнул дверь спальни и наспех сунул ручку от сушилки вместо засова.

Чжай Чэнь опустился на одно колено, придерживая девочку, и, тяжело дыша, принялся успокаивать:

— Тсс... всё кончено, всё хорошо...

Девочка тряслась, лицо и одежда были в крови, она не могла вымолвить ни слова.

За дверью гремели — кто-то дёргал ручку, мужик ругался, женщина рыдала. Четверо молящихся в гостиной и не думали вмешиваться, только сжались в комок и сидели тише мышей. Гао Юйшэн поднёс к лицу Чжай Чэня кислородный баллон:

— Сначала позаботься о себе.

С грохотом — пустая сушилка погнулась, дверь распахнулась, и люди вывалились наружу, а в тот же миг с грохотом распахнулась входная дверь.

— Полиция! Всем стоять, руки за голову, сесть у стены!

Фан Чуян с оперативниками ворвался в квартиру, и двух мужиков, выбежавших из спальни без рубашек, прижали к полу.

Чжай Чэнь и Гао Юйшэн тоже получили приказ сесть на корточки, заложив руки за голову.

— Мы невиновны! — поднял руку Чжай Чэнь.

Фан Чуян скосил на него взгляд:

— Вы все участвуете в сектантской деятельности, всех забрать.

— Эй, товарищ полицейский, вызовите сначала «скорую».

Чжай Чэнь покорно протянул руки, чтобы ему надели наручники, и кивнул на остолбеневшую

девочку.

Сяо Чэнь подошёл, взял малышку за руку, и его и без того смуглое лицо сморщилось, как почерневшая булочка. Сяо Ма, пока начальник не видел, пару раз со злости пнул вялого мужика; остальные оперативники кто в небо, кто в землю смотрели, будто ничего не замечали.

Зловредный пузатый мужик оказался Звёздным посланником этого притона, его звали Ло Цюаньпэй. Его, курящего парня и мать девочки сразу же забрали на допрос. Остальных запихнули в большую камеру и пока бросили.

Туда же определили Чжай Чэня и Гао Юйшэна. Внутри уже сидели с десятков молодых людей с ярко-крашеными волосами — со стороны можно было подумать, что попал в парикмахерскую у входа в деревню, куда заходит Тони. При звуке шагов все цветные головы разом повернулись и уставились на двух пришельцев, которые резко выбивались из общего стиля.

— Привет, я новый мастер Кевин, — бодро поздоровался Чжай Чэнь.

Молодёжь на миг опешила, а затем гурьбой поднялась.

Гао Юйшэн: «...» Взять с собой телохранителя в камеру, но опасность возрастает в разы — он, наверное, самый невезучий наниматель в этом году.

— А вы за что сюда? — молодцы, пользуясь численным превосходством, надвигались стеной, точь-в-точь как бандиты из старых гонконгских фильмов.

Чжай Чэнь заслонил собой Гао Юйшэна и сокрушённо вздохнул:

— Слишком красивые, портим городской пейзаж — вот и забрали.

— Пф!

Мастеру Кевину Чжаю не поверили, и обстановка накалилась.

Ло Цюаньпэй наотрез отказывался признавать дом 1326 сектантским притоном:

— Я просто снял проститутку, а тут вдруг кто-то ворвался и избил меня до полусмерти.

От тех двух бросков от Чжай Чэня у него и вправду всё тело болело — спина была сплошь в синяках, да и бровь рассекли.

Сяо Ма рванулся было на него с кулаками, но Сяо Чжан схватил его за плечи:

— Не горячись, там камеры.

— Отключите камеры, я его хоть разок отлуплю! — орал Сяо Ма, но Сяо Чжан вытащил его в коридор.

Фан Чуян сдерживал ярость:

— Проститутка? А ты знаешь, что этой девочке нет четырнадцати? Это теперь изнасилование, по статье — лет восемь-десять.

— Не может быть, мать сказала, что ей шестнадцать! — Ло Цюаньпэй опешил.

— Мать сказала, — Фан Чуян стиснул зубы и проговорил по слогам: — А почему мать так поступила?

Поняв, что сболтнул лишнего, Ло Цюаньпэй тут же начал юлить:

— Откуда мне знать, нужны деньги, наверное.

Офицер, допрашивавший мать Чжао Мэнмэн, тоже изо всех сил сдерживался, чтобы не ударить. Женщина была до такой степени затуманена сектой, что свято верила: отдать дочь на «очищение» — значит искупить её грехи.

— Она была двойняшкой, младшая сестра не выжила. Небесное божество сказало, что это она отняла жизнь у сестры, и родилась уже со злом. А ещё она всегда разговаривает с красивыми парнями — это страшный грех. Если не очистить, на неё падёт небесная кара.

У женщины на шее была повязка, лицо землистое, взгляд фанатичный, а в речах сквозила какая-то младенческая, не ведающая мира жестокость.

— Бред! — офицер аж затрясся от гнева.

— Я же не хочу ей зла, я сама проходила очищение! — с вызовом заявила женщина, а потом злобно оскалилась: — И это чудовище ещё укусило меня, пыталось убить родную мать — разве это не бесовщина? Если не очистить, она меня погубит!

Ло Цюаньпэй вёл себя несговорчиво, и Фан Чуян велел Сяо Ма запереть его в камере. Тот отвёл его в небольшую комнатку, где уже сидели несколько здоровенных мужиков и от нечего делать щёлкали семечки.

Он защёлкнул наручники Ло Цюаньпэя за решётку и бросил:

— Растлевал малолетних, осквернял женщин под видом секты — раз ты такой умелый, и постой тут всю ночь в наручниках!

С этими словами товарищ Ма Тяньсин хлопнул дверью и удалился.

Здоровяки молча подождали, пока уйдёт полицейский, а затем уставились на типа, болтающегося на решётке, словно подстреленная курица. Амбал с перевязанной головой и татуировкой на всю руку подошёл и пнул его ногой:

— О, главарь секты, обманываешь баб, да ещё и детей портишь?

<http://bllate.org/book/18293/1757035>